

15.50.1

В ОТЛИЧИЕ от Чехова, Ренара, Ильфа и Олеша, чьи замечательные дневники были опубликованы только посмертно, Сергей Довлатов начал печатать свои записные книжки еще при жизни: выпустил книжку своих ленинградских записей «Соло на Ундервуде», а в последние годы два печатал эпизодические отрывки из «Соло на IBM» в эмигрантской периодике. Такому прижизненному обнародованию личных записей тоже были, конечно, прецеденты — от князя Вяземского до братьев Гонкур и Василия Розанова. Есть, конечно, в этом некоторое противоречие — между интимным либо рабочим характером дневниковых записей и их прижизненной публикацией. Но это скорее в моральном плане, который для литературы, по моему глубокому убеждению, все-таки не первостепенен. Более важен эстетический вопрос — остаются ли записные книжки литературным сырьем, которое не дождалось окончательной обработки, либо становятся художественным жанром? Сейчас, когда советская и американская записи Сергея Довлатова сомкнулись, как створки раковины, в единой книжке, только что выпущенной нью-йоркским издательством «Слово», у нас есть возможность поговорить о приключениях этого если не самого интимного, то по крайней мере одного из самых сокровенных литературных жанров. Здесь следует добавить, что, хотя автор не дождался выхода этой книги, он успел ее полностью подготовить и даже придумал к ней оформление. Другими словами, она не задумывалась ни как мемуаральная, ни как прощальная, а потому и поговорим о ней, как будто Довлатов все еще жив, тем более несмотря на то, что он время от времени и возвращается в ней к мыслям о смерти, общий настрой книги веселый.

Как и любую другую записную книжку, эту также можно читать в любом направлении и с любого места, и ее даже не обязательно читать всю, хотя от нее и не оторваться. В ней торчат хвосты других жанров — вот несостоявшаяся новелла, а это литературная сплетня, рядом укромное признание, а эта запись явно возникла на инерции устного рассказа, блестящим мастером которого Довлатов был. Именно последнего рода записей в книге больше всего, и лично мне они представляются наиболее ценными и оригинальными.

В своей жизни я встретил трех блестящих рассказчиков — помню Довлатова, это еще Евгений Рейн и Камил Икрамов. Им обоим так и не удалось реализовать мастерство устного рассказа в письменную форму. Рейн — рассказчик-импровизатор, он органически не способен повторить свою собственную историю, каждый раз она звучит заново, с пропусками, добавлениями, ответвлениями; ему

важен сиюминутный эффект, он не забывается о целом, ловить его на противоречиях так же бессмысленно, как леди Макбет, которая признается, что кормила детей грудью, но в другом месте сказала, что у нее нет детей. Икрамов, который вывез свои устные новеллы из тюрьмы и лагерей, где провел 12 юных лет как сын расстрелянного Сталиным партийного лидера Узбекистана, собирал нас в кружок, сам садился посередине в неизменной своей тубейке, скрестив посреднеазиатски ноги, и Окуджава, Слуцкий, Чухонцев, Исхандер, которые слышали его новеллы уже по многу раз, просто называли сюжеты, и Камил выполнял заказ, рассказывая свои жуткие и невероятные смешные истории. Он был профессиональный литератор, написал интересную повесть о своем отце, но когда я спросил у него, почему он не опубликует свои устные новеллы, Камил

тем, что Мандельштам называл «молекулярным искусством». Вот несколько примеров литературных фрагментов Сергея Довлатова:

Вариант рекламного плаката — «Летайте самолетами Аэрофлота!». И в центре — портрет невозвращенца Барышникова.

Указ:

«За успехи в деле многократного награждения товарища Брежнева орденом Ленина наградить орденом Ленина — орденом Ленина!».

Случилось это в Пушкинских горах. Шел я мимо почтового отделения. Слышу женский голос — барышня разговаривает

Владимир СОЛОВЬЕВ

КАК СТВОРКИ РАКОВИНЫ

Последняя книга Сергея ДОВЛАТОВА

печально развел руками: пытался много раз, ничего не получается.

Довлатову же это чаще всего удается, потому что его устные рассказы короткие, как анекдот или реприза, и носят отточенный и законченный характер, как будто предварительно были записаны и только потом рассказаны. Я бы еще сказал, что он более меркантильно относился к тому, что видел и слышал окрест себя — либо даже в самом себе, примеривая буквально все для будущих своих сочинений. Так вот, то, что не подошло для более крупных форм — повести или рассказа, и составило его записные книжки, предназначенные для печати.

Вообще он вел свое литературное хозяйство, как радивый крестьянин, ничто даром у него не пропадало, ни одного колоска. Из-за этого, правда, его записные книжки кажутся несколько захламленными, они бы только выиграли, если бы отбор был произведен чуть строже, слегка, что ли, самокритичнее, но можно понять и Довлатова — ему были дороги собственные наблюдения над ускользающей жизнью, когда анекдот, воспоминание или размышление в пять, десять или тридцать строк заменяли те новые повести и рассказы, которые ему уже было не суждено написать. А менее удачные либо просто излишние записи в подобной книге — не то же самое, что композиционные провалы большой прозы, да и сама такая книга как поэтический сборник, в котором стихи не все одного уровня. В лучших записях Довлатова сказались именно его талант миниатюриста и ювелира — он виртуозно владеет

по междугородному телефону:

— Клар! Ты меня слышишь?! Ехать не советую! Тут абсолютно нет мужиков! Многие девушки уезжают, так и не отдохнув!

По ленинградскому телевидению демонстрировался боксерский матч. Негр, черный как вакса, дрался с белокурым поляком.

Диктор пояснил:

— Негритянского боксера вы можете отличить по светло-голубой каемке на трусах.

Писатель Чумандрин страдал запорами. В своей уборной он повесил транспарант: «Трудно — не означает: невозможно!».

Яша Фрухтман руководил хором старых большевиков. Говорил при этом: — Сочиняю мемуары под заглавием: «Я видел тех, кто видел Ленина!»

— Какой у него телефон?

— Не помню.

— Ну, хотя бы приблизительно?

Году в тридцать шестом, если не ошибаюсь, умер Ильф. Через некоторое время

Петрову дали орден Ленина. По этому случаю была организована вечеринка. Присутствовал Юрий Олеша. Он много выпил и держался несколько по-хамски. Петров обратился к нему:

— Юра! Как ты можешь оскорблять людей?

В ответ прозвучало:

— А как ты можешь носить орден починника?

У Иосифа Бродского есть такие строчки:

«Ни страны, ни погоста
Не хочу выбирать,
На Васильевский остров
Я приду умирать...».

Так вот, знакомый спросил у Грубина:

— Не знаешь, где живет Бродский?

Грубин ответил:

— Где живет, не знаю. Умирать ходит на Васильевский остров.

МНОГО в книге Довлатова «эккермановых» по жанру записей других острословов — от Сергея Вольфа и Вагрича Бахчаняна до Иосифа Бродского и Изи Шапира. Из этих его «соавторов» больше всех и лучше всех представлен наш эмигрантский «черный юморист» Бахчанян с его «Архипелагом ГудЛаком», «гласностью» вопиющего в пустыне» и другими перлами.

Значительное число записей — о литературе, о себе, о смерти. Довлатов пишет, к примеру, о Гроссмане: «соцреализм с человеческим лицом», и независимо от того, согласны мы с этой характеристикой или нет, она, несомненно, остроумна.

Естественно, сейчас, в обратном отсчете от внезапной, катастрофической смерти 48-летнего Сергея Довлатова, некоторые его записи личного порядка производят более сильное впечатление, чем если бы они были прочитаны при его жизни:

Возраст у меня такой, что, покупая обувь, я каждый раз задумываюсь:

«Не в этих ли штиблетах меня будут хоронить?».

Божий дар как сокровище. То есть буквально — как деньги. Или — ценные бумаги. А может, ювелирное изделие. Отсюда — боязнь лишиться. Страх, что украдут. Тревога, что обесценится со временем. И еще — что умрешь, так и не потратив.

И, наконец, последняя запись в этой последней книге Сергея Довлатова:

Все интересуются, что там будет после смерти?

После смерти начинается — история.

Довлатов С.